

После ухода Жун Фэна маленький домик за фруктовой рощей вновь погрузился в тишину. Бянь Хун обернулся, прислонился спиной к деревянной стене и медленно сполз на землю.

День клонился к закату. Алые тучи заслоняли солнце, уже наполовину скрывшееся за горами; последние лучи, смешиваясь с надвигающейся ночью, мутно ложились на заснеженные вершины и ущелья. Сумерки сгущались.

Он глубоко выдохнул - в холодном воздухе дыхание тут же превратилось в расплывчатое облачко пара, поднялось перед глазами и размывало очертания заката и гор вдаль. Он прожил в этом уединённом, словно оторванном от мира жилище совсем недолго, не прошло и целой зимы. По сравнению с его суматошной, полной тревог и военного хаоса жизнью длиной более двадцати лет это было мгновение, но именно оно оставило столько глубоких воспоминаний.

Он вспомнил мать Жун: как она с улыбкой протягивала ему чашку горячей каши; как её шершавые пальцы без усталости перебирали ткань, пока она наспех шила ватники и тёплые куртки; как в последнюю ночь перед уходом она держала его за руку и говорила с искренней надеждой: «Хороший ты ребёнок. Я доверяю тебе Сяо Фэна. Живите потом в согласии, рожайте детей, пусть у вас будет настоящий дом».

Он до сих пор ясно помнил своё тогдашнее чувство - глубокую вину, растерянность и мучительную невозможность ответить. Она была так добра и так ласкова, а в ответ получила лишь обман.

Он не был достоин этого доверия. У него было слишком много несказанных слов, застрявших в груди, он так и не осмелился сказать их матери Жун. Сказать, что он - заблудшая душа из иного мира, чужая в этом теле. Сказать, что он остался здесь лишь потому, что за пятьдесят цзиней проса купил себе отсрочку, разыгрывая с её сыном супружество. Сказать, что он вовсе не ланьцзюнь, а лишь занял чужую личину, цепляясь за жизнь в этом мире, не в силах ни дать продолжение роду, ни родить детей. Сказать, что в нём таится болезнь, которую нельзя показать дневному свету, что он каждый день борется с болью и едва удерживается на краю, где один неверный шаг - и падение в бездну.

Сказать, что он - плохая партия.

А вот её сын - хороший человек. Его просто не понимают. Но стоит узнать его ближе, и это станет ясно любому. Он заслуживает лучшего. Как дети из семьи Минь - они любили виснуть на нём, тянулись к нему, доверялись ему, словно лесные зверьки.

Как Яньцю.

В этот миг солнце окончательно ушло за горизонт. На краю неба ещё теплился слабый отблеск величественного заката, но и он постепенно растворился, поглощённый наступающей ночью, исчез без следа. Бянь Хун потер замёрзшие пальцы и поднялся, чтобы идти обратно. Но он ещё не успел выйти из рощи, как к нему поспешно подбежал Юаньдин, вцепился в край его одежды и взволнованно, торопливо заговорил.

— Брат Си! — в панике воскликнул Юаньдин. — Я не знаю, что случилось со старшим братом: он взвалил на себя мешок с зерном и велел брату Яньцю собираться и спускаться с горы. Он такой страшный сейчас...

Услышав это, Бянь Хун вздрогнул и бросился во двор. Но за то короткое время, что он бежал, мужчина уже успел дойти до ворот: на плече у него лежал мешок с зерном, а Яньцю, опустив голову, молча следовал за ним. У того не было даже приличной поклажи - он шел налегке, осторожно, будто боялся шуметь, и шаг за шагом приближался к выходу.

— Куда вы собрались?!

Бянь Хун подскочил и схватил Яньцю за руку. Тот был ниже его ростом; с опущенной головой было видно лишь вихор на макушке - ни шапки, ни теплой одежды.

Лишь после окрика Жун Фэн остановился, но оборачиваться не стал. Он только подтянул мешок на плече и ровно сказал:

— Я отведу его в храм цзышу-ньюй.

Бянь Хун резко притянул Яньцю к себе, снял с собственной головы шапку и надел её на него, а затем, не сдержавшись, вступил в спор с Жун Фэном, который вдруг с такой решимостью решил избавиться от человека.

— Ты вообще понимаешь, что такое этот храм?! Там живут одни одинокие женщины! Если Яньцю туда пойдет, разве старшая бабушка и остальные не станут предметом пересудов?

— За храмом, в горах, есть отдельный дом, — спокойно ответил Жун Фэн.

В его представлении различия между людьми были не столь значимы. Мирские запреты, условности и слухи уже ломали его в детстве, когда он был слишком мал и беспомощен. А потом они с матерью укрылись в горах, вдали от людей, и он давно перестал по-настоящему ощущать их тяжесть.

Но Бянь Хун прекрасно понимал:

— Дело не в том, где он будет жить. Стоит ему войти в обитель цзышу-ньюй и как ему после этого быть? Как себя поставить?

Жун Фэн услышал эти слова, обернулся и долго смотрел на Бянь Хуна, прежде чем наконец заговорить:

— А что ты хочешь, чтобы я сделал?

Такой маленький человек - ни прикрикнуть, ни тронуть, да и вообще с ним ничего не поделаешь. Сказав это, он развернулся и, неся мешок с зерном, ушёл обратно на кухню, больше не выходя. Бянь Хун уставился на закрывшуюся дверь и ещё долго стоял неподвижно. Лишь когда он уже решил, что мужчина не вернётся, тихо перевёл дух, собираясь обернуться и успокоить Яньцю, как вдруг кухонная дверь с грохотом распахнулась.

Жун Фэн вылетел оттуда стремительно, с мрачным видом, направляясь прямо к ним. Бянь Хун даже подумал, что тот собирается что-то сделать, и шагнул вперёд. Но мужчина всего за несколько шагов оказался перед ним, хмуро поднял руку и довольно грубо нахлобучил на голову Бянь Хуна свою серую меховую шапку, после чего так же резко развернулся и ушёл обратно.

Бянь Хун остолбенел. Даже стоявший рядом Яньцю не удержался и поднял голову, взглянув на него, а затем с искренней завистью сказал:

— Брат Си, он так хорошо к тебе относится...

Выслушав это, Бянь Хун почувствовал в груди сложное, трудноразличимое чувство и сказал:

— Не обижайся. Этот его дурной характер - не на тебя, и он вовсе не обязательно хочет, чтобы ты уходил. Но скажи мне, что ты сам думаешь? Что ты собираешься делать?

Взгляд Яньцю был растерянным. Он был слишком молод, почти не видел мира, к тому же с детства терпел издевательства мачехи и потому не имел ни опыта, ни широкого кругозора. Он понимал, что нельзя идти в наложники, но стоило заговорить о побеге, и слова застревали в горле. В своей жизни он встречал по-настоящему добрых людей: благодетеля, который, не имея с ним никаких уз, принял на себя удар клинка, спасая его, и ещё стоявшего перед ним Минь Си. Этот уединённый горный дом, далёкий от людской суеты, дарил ему редкое чувство безопасности.

В конце концов он опустил глаза и едва заметно покачал головой.

Бянь Хун вздохнул. Оставалось лишь снова отвести Яньцю в комнату покойной матери Жун, разжечь там печь и дать ему как следует отдохнуть.

А сам он ещё долго стоял во дворе, глядя в пустоту, прежде чем распахнуть дверь и войти в дом.

— Где ваш старший брат? — спросил он.

— Там, — отозвались дети, — всё ещё на кухне.

Бянь Хун остановился у кухонной двери, помедлил и всё-таки с тихим скрипом открыл её.

Высокая фигура мужчины уютилась у очага: он сидел, подбрасывая дрова, а в котле поднимался пар - видно, воду грели для мытья.

Долгое время они молчали. Наконец Бянь Хун заговорил первым:

— Уже поздно. Помоешься завтра, а сейчас пойдём спать.

Жун Фэн просидел ещё немного, затем поднялся и молча последовал за Бянь Хуном обратно в комнату.

В глубине гор зимней ночью лишь в одном доме ещё теплился слабый свет. Пламя свечи едва заметно колыхалось, освещая четверых, моющих ноги, а затем звонкие, шепчущиеся детские голоса. Потом к огоньку подошла фигура с коротко остриженными волосами. Решётка окна отразила его чуть исхудавший силуэт. Он наклонился, прикрыл ладонью лампу и, подавшись вперёд, тихо дунул.

Последняя искорка света в комнате погасла, и ночь вновь обрела покой. Лишь спустя время послышалось ровное, едва слышное детское посапывание.

Глубокой ночью, под ярким лунным светом, снег сиял ослепительно. Группа людей быстро продвигалась вверх по горной тропе; идущий впереди то и дело останавливался, чтобы свериться с направлением.

— Точно здесь? — пробурчал он. — Какой ещё богатеи станет жить в такой глуши?

Рядом шёл подручный с одной рукой. Лицо его было мрачным; услышав вопрос, он кивнул.

— Ошибки нет. Я расспросил многих, в деревне немало людей бывали здесь, помогали им искать детей.

Главарь подтянул на себе потёртый кожаный доспех, косо взглянул на однорукого спутника и отдал распоряжение десятку с лишним людей позади:

— Прибавьте шаг. Нужно управиться до рассвета. Сорвём этот куш и с деньгами уйдём в уездный город.

Отряд был неплохо обучен, но долгий горный путь всё же вызывал у людей недовольство.

— Босс, — пробурчал кто-то, — зачем нам эта глушь? Почему бы не пойти прямо в деревню - и проще, и добычи больше.

— Ничего ты не понимаешь, — отрезал вожак. — Пограничные войска оправились, повсюду развешаны объявления о нашем розыске. Полезешь в деревню - цель слишком заметная, только и жди, что придут за нами. А эта семья хороша тем, что живёт на отшибе. Говорят, перед самым Новым годом они без труда выложили сто цзиней проса, чтобы купить жену. Вот и славно: тихо приберём эту хату, а потом без шума уйдём в город с добычей.

— А зачем связываться с той шайкой бродяг и мелких разбойников? Мы и без них справимся.

— Это и есть военная хитрость, — усмехнулся главарь. — Отвлекающий манёвр. Пока они пойдут грабить деревню и поднимут шум, нам будет куда легче ускользнуть в стороне, под прикрытием суматохи.

Люди одобрительно загудели:

— Вот это голова! У босса настоящий ум и расчёт!

Однорукий подручный, услышав эти похвалы, всё же нерешительно вставил:

— Только... говорят, мужчина в том доме не из простых, опасный.

Главарь презрительно глянул на него:

— Это ты сам трус, вот и мерещится всякое. Хоть три головы у него будь, хоть шесть рук - от нас ему не уйти. Этот лао-цзы, между прочим, людей убил больше, чем ты вообще видел за свою жизнь.

И однорукий опустил голову, решив больше не возражать.

Вскоре с десятков человек, пользуясь ночной тьмой, поднялись в гору. Увидев неподалёку маленький двор, главарь взмахнул рукой.

— Братья, никого не оставлять в живых!

С этими словами вся группа слаженно выхватила ножи и, выстроившись, ринулась вперёд.

В доме Жун Фэн с закрытыми глазами дремал вполсилы. В полусне ему вновь вспомнились слова Бянь Хуна, сказанные днём за домом, и сознание унесло его в череду странных, причудливых видений. Во сне он был безжалостен: справиться с Бянь Хуном ему казалось проще простого. Он зажал ему рот, прижал к постели, а страницы тех самых «картинок» из свитков одна за другой перелистывались перед глазами. Он раскачивался и с напором допытывался:

— Говори, с кем мне «попробовать пообщаться»?!

Ровный, тёмный, словно в тумане, взгляд юного ланьцзюня наконец наполнился влагой и ожил; он неожиданно начал умоляюще просить пощады, тем самым голосом, которого мужчина никак не ожидал, и звал его братом. Жун Фэн уже чувствовал, как всё тело разом обмякает, но вдруг его ухо дрогнуло, и он резко очнулся от сна.

В тот же миг он вскочил, схватил лук и нож. Сонная нега ещё не успела рассеяться, а он уже был полностью готов. Он осторожно приоткрыл оконную щель и взглянул во двор. Разноцветные глаза, настороженные и хищные, как у тигра или леопарда, мгновенно уловили движение: в лунном свете по двору мелькали тени.

Бянь Хун тоже сел, инстинкт опасности заставил его согнуться, вытащить изогнутый нож и встать сбоку у двери, готовясь ударить в любую секунду. Видя, как Жун Фэн распахивает окно и натягивает тетиву длинного лука, он тихо спросил:

— Кто там?

Взгляд Жун Фэна оставался тёмным и неподвижным, устремлённым во двор.

— Те, кого следует убить. Моя ловушка сработала.

<http://bllate.org/book/13502/1320501>